общество

Российская интеллигенция: миф или реальность?

Десять лет назад, 9 апреля 1999 года, Дмитрий Лихачев, Жорес Алферов, Даниил Гранин, Александр Запесоцкий, Кирилл Лавров, Андрей Петров и Михаил Пиотровский учредили «Конгресс петербургской интеллигенции». Сегодня конгресс известен в России Международными Лихачевскими научными чтениями, студенческими Вечерами восточной поэзии, различными общественными дискуссиями и книгами по острейшим гуманитарным проблемам современности. В канун юбилея состоялась беседа нашего корреспондента Виктории ЕГОРОВОЙ с председателем исполкома конгресса академиком Александром ЗАПЕСОЦКИМ.

Даниил Гранин, Михаил Чулаки, Александр Запесоцкий и Андрей Петров. Научная дискуссия «Судьба российской интеллигенции» (Дворец Белосельских-Белозерских, 25 ноября 1997 г.).

— Александр Сергеевич, а что сегодня понимается под термином «интеллигенция» и есть ли она в реальности?

— Создание конгресса как общественной организации стало своего рода официальным оформлением общения большой группы поистине замечательных отечественных мыслителей, собиравшихся вместе в середине 1990-х годов во дворце Белосельских-Белозерских для того, чтобы поговорить о волнующих их проблемах.

Среди участников назову, к примеру, Дмитрия Лихачева, Даниила Гранина, Бориса Раушенбаха, Моисея Кагана, Никиту Моисеева, Николая Карлова, Владимира Ядова, Бориса Парыгина, Вадима Кожинова, Михаила Чулаки, Николая Скатова, Игоря Бестужева-Ладу, Михаила Пиотровского, Владимира Триодина.

Что такое интеллигенция и как ей себя вести в постсоветское время — этот вопрос был одним из самых главных в наших дискуссиях. После долгих споров сошлись на трех основных отличительных особенностях: образованность, совестливость и интеллектуальная независимость.

Интеллектуальная свобода, пожалуй, самое редкое качество. Интересно в этой связи следующее замечание Дмитрия Лихачева: «Интеллектуальная независимость является чрезвычайно важной особенностью интеллигенции. Независимость от интересов партийных, сословных, классовых, профессиональных, коммерческих и даже просто карьерных. Если по своим убеждениям интеллигент входит в партию, требующую от него безусловной дисциплины, то добровольная продажа себя в рабство лишает его возможности причислить себя к интеллигенции». Интеллектуальная свобода — всегда явление морального порядка. А мораль — единственная власть, сила которой не только не лишает человека свободы, но и гарантирует ее. Совесть является гарантом свободы интеллигента, «рулевым» этой свободы.

Член-корреспонденты РАН Н. Скатов и С. Медведев. IV международные Лихачевские чтения «Образование в процессе гуманизации современного мира» (СПбГУП, 20 мая 2004 г.).

Россия по культурному фундаменту — европейская, христианская страна. А христианство — единственная религия, где бог — это личность. Отсюда и наше постоянное подспудное стремление к утверждению в общественной жизни прав личности, прав человека, вступающее на протяжении тысячелетней истории российского христианства в противоречие с традициями властного абсолютизма. Применительно к Европе постоянное стремление к свободе существует там, где есть угроза свободе. Вот почему интеллигенция как специфическая, интеллектуально свободная часть общества появилась в России и была неизвестна на Западе, где угроза свободе для интеллектуальной части общества в последние столетия была значительно меньше.

Здесь уместно вспомнить и высказывание Н. А. Бердяева о том, что «в русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства». Для российского менталитета в отличие от народов многих других стран характерна не столько утилитарная, прагматическая, сколько духовно нравственная направленность доминирующих в общественном сознании ценностей, таких как справедливость, истина, красота, вера, совесть и т. д.

Таким образом, интеллигенция — понятие чисто русское. Не думаю, что интеллигенцию следует считать социальной группой, слишком она разнородна. Интеллигентами могут быть дворяне, люди литературы и искусства, ученые и др. Интеллигентностью способны обладать рабочие или, к примеру, как говорил Лихачев, поморские рыбаки. Вместе с тем очевидно, что при всем ассоциативно-эмоциональном содержании этого понятия интеллигенции присущи вполне конкретные общие черты.

Дмитрий Сергеевич отмечал, что уже на рубеже XI — XII веков внутренней свободой обладал киевский князь Владимир Мономах, являвшийся в какой-то степени прообразом интеллигента. Другим прообразом уже на рубеже XV — XVI веков стал монах Максим Грек. В конце XVIII века, по мнению Лихачева, настоящими интеллигентами были Сумароков, Новиков, Радищев, Карамзин. Первое массовое выступление интеллигентов — это декабристское восстание. Декабристы не только проявили внутреннюю свободу, но и пошли против своих сословных интересов. Характерно, что интеллектуальная свобода помешала декабристам одержать победу. Они не смогли объединиться именно потому, что были интеллигентами. Тогда впервые одновременно и отчетливо проявились и организационная слабость, и духовная, нравственная сила интеллигенции.

С самого начала российская интеллигенция стала выступать как носитель гражданского и национального самосознания. Оказалось, что ее интересы не связаны ни с личной выгодой, ни с интересами классов. Ведущий принцип интеллигенции — служение простому народу. Это не следует понимать буквально как прислуживание, поскольку у нее всегда есть собственный взгляд на общественное благо.

Сила интеллигенции — в присущем ей чувстве недовольства, стремлении к поиску, к отысканию альтернативы ошибочным путям развития. В этом плане она — двигатель прогресса. Возможно, прообраз интеллигента — Иисус Христос. Правда, у него не было классического петербургского образования.

— Но в повседневности поведение интеллигенции весьма расходится с тем, о чем вы говорите. И в смутах ее упрекают немало, и в корысти, и в том, что целоваться с властью и получать «бонусы» — ее любимое занятие.

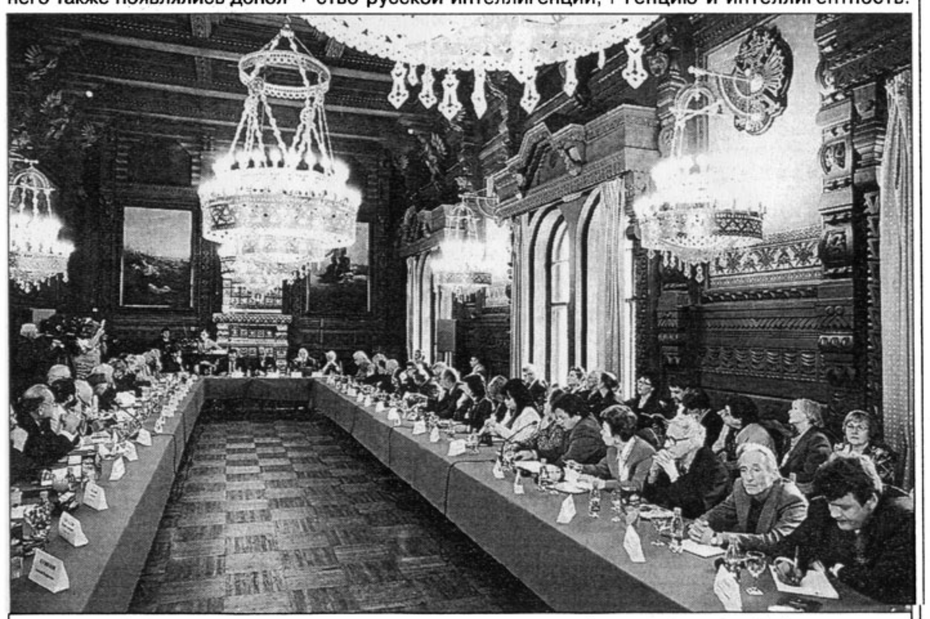
— В большинстве подобных случаев речь идет не об интеллигентах, а, выражаясь словами Солженицына, об образованцах. В старину бессовестных людей называли христопродавцами.

Хотя, разумеется, и реальные основания для критики есть. Интеллигенция не может жить «по Дарвину»: нередко бессильна при столкновении с неинтеллигентностью, проигрывает в борьбе за существование. Интеллигенция часто непрактична, склонна к идеализму и даже левому радикализму. Интеллигентам, мучимым совестью, всегда хочется справедливости «здесь и сейчас». А жизнь — это вообще искусство возможного. От восторженного идеализма до беды иногда меньше чем шаг. В полной мере это сказалось в ходе революций начала XX века, идеологически подготовленных интеллигенцией. Сегодняшняя ситуация — не исключение. Благородный порыв к радикальному обновлению общества, выстраданный ею в 1960 — 1980-е годы, не будучи подкрепленным предвидением хода перемен и способностью им управлять, обернулся глобальным и разрушительным кризисом для страны.

— Даниил Гранин нередко говорит о том, что важнейшая функция интеллигенции — оппозиция власти.

— Вопрос о взаимоотношениях интеллигенции и власти — отдельная и очень острая тема. В наших дискуссиях мы сошлись на следующем: гражданская позиция интеллигента должна зависеть от того, что власть делает для страны и народа. Если власть действует во благо, ее надо поддерживать. В противном случае, конечно, находиться в оппозиции. И Гранин, насколько мне известно, думает так же.

Строго говоря, существуют еще некоторые важные нюансы: что это значит — быть в оппозиции? Здесь есть две модели. Первая — абсолютная, безоговорочная конфронтация с властью. Условно такое поведение можно назвать моделью Сахарова. Вторая — модель Лихачева, Гранина. Лихачев всю свою жизнь после Соловков шел по грани дозволенного. Власть постепенно менялась, на протяжении жизни Дмитрия Сергеевича пространство свободы непрерывно увеличивалось. К тому же по мере признания его заслуг, роста научного авторитета у него также появлялись дополнительные возможности влияния на власть. И Лихачев их использовал, неуклонно передвигая границы дозволенного. Он все время шел по острому лезвию опасности, отодвигая это лезвие от общества и отвоевывая свободу для людей.

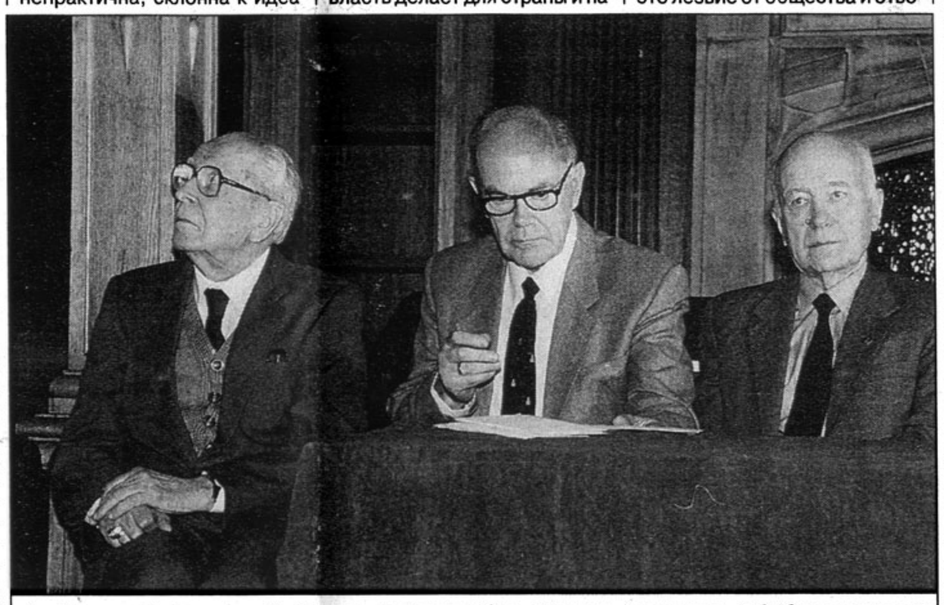


VI международные Лихачевский чтения «Гуманитарные проблемы современной цивилизации» (Дом ученых, 26 мая 2006 г.).

Даниил Гранин там, где не согласен с властью, а это бывает весьма часто, высказывает свое мнение мягко, без нажима, как доброжелательный советчик. Он считает, что так легче добиваться практических результатов, и в этом есть своя правда жизни. Ему важнее добиться от власти добрых дел на благо общества, нежели снискать лавры «борца».

Все названные пути возможны и имеют право на существование. Может быть, и все необходимы — как некое разнообразие, ведущее к постепенному улучшению общества и государства.

В целом же наша интеллигенция, думается, выдержала испытание смутными временами, несмотря на жесточайшие преследования: «Мужество русской интеллигенции, десятки лет сохранявшей свои убеждения в условиях жесточайшего произвола идеологизированной советской власти и погибавшей в полной безвестности, меня поражало и поражает до сих пор». Чем сильнее было сопротивление интеллигенции, тем ожесточеннее действовали против нее. «Два парохода понадобилось осенью 1922 г., чтобы вывезти из России только ту часть интеллигенции, против которой не могли быть применены обычные меры ввиду ее общеевропейской известности», — пишет Д. С. Лихачев.



Академики Д. Лихачев, Н. Карлов, Б. Раушинбах. Научная дискуссия «Судьба российской интеллигенции» (Дворец Белосельских-Белозерских, 25 ноября 1997 г.).

Сегодня, проявлять интеллигентность стало легче, хотя тоже не совсем просто. Посмотрите, какая отвратительная кампания в прессе была развязана против Михаила Пиотровского в связи с публикацией результатов одной из ревизий в Эрмитаже. В каждом нормальном учреждении руководство проводит проверки. И проводит их при правильной постановке дела именно там, где можно найти недостачу. Но нормальная работа руководства получила недобросовестное истолкование. На мой взгляд, против Михаила Борисовича пытались развернуть настоящую травлю именно в отместку за принципиальную, последовательную и твердую позицию в защиту петербургской культуры. И любой руководитель учреждения рискует с подобными явлениями столкнуться. Однако пример Пиотровского показывает, что настоящие интеллигенты у нас есть.

Этот же пример показывает, что в современных условиях есть и больший оппонент интеллигенции, нежели власть, — это деньги и рынок в вульгарных его проявлениях. Сегодня деньги давят на власть, определяют политику ведущих федеральных каналов телевидения и других СМИ, формируют общественный климат. Бизнес располагает новыми технологиями манипулирования и просто душит интеллигенцию и интеллигентность. Совесть и интеллектуальная независимость искореняются как вещи невыгодные, как сорняки на полях политтехнологий, плантаторами на которых выступают предприниматели. И власть их в данной ситуации обслуживает. В этом основная опасность нашего времени.

К сожалению, и система образования меняется в худшую сторону. Споры о ЕГЭ и прочих мелочах уводят общественное внимание от главного: государство шаг за шагом превращает университеты в ПТУ, в вузах теперь все больше готовят не творцов, а пользователей, не элиту, а нечто совсем иное. Государство, увы, не занимается воспитанием молодежи. Советские механизмы воспроизводства интеллигенции полностью разрушены, дореволюционные не восстановлены, а о новых никто не думает. Главный момент дня — продать населению стиральный порошок и тампоны...

Сегодня интеллигенция у нас еще есть. Будет ли завтра? Не знаю. Может быть, российский этнос превратится в обычное европейское население, довольствующееся наличием интеллектуалов. Но вполне вероятно и появление новых Лихачевых, Граниных, Пиотровских.